

ГШЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
и
КРИТИКИ

VII

ОКТАБРЬ

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи.

Анна Ахматова	3
Василій Галаховъ	8
Грааль Арельскій	13
М. Зенкевичъ	16
Георгій Ивановъ	19
О. Мандельштамъ	23

1.

Что ты видишь, тускло на стѣну смотря,
Въ часъ, когда на небѣ поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды?
Или флорентійскіе сады?

Или паркъ огромный Царскаго Села,
Гдѣ тебѣ тревога путь пересѣкла?

Иль того ты видишь у своихъ колѣнъ,
Кто для бѣлой смерти твой покинулъ плѣнъ?

Нѣтъ, я вижу стѣну только—и на ней
Отсвѣты небесныхъ гаснущихъ огней.

2.

У меня есть улыбка одна.
 Такъ. Движенье чуть видное губъ.
 Для тебя я ее берегу.
 Вѣдь она мнѣ любовью дана.

Все равно, что ты паглый и злой,
 Все равно, что ты любишь другихъ,—
 Предо мной золотой аналой,
 И со мной сѣроглазый женихъ.

3.

Звенѣла музыка въ саду
 Такимъ невыносимымъ горемъ.
 Свѣжо и остро пахли моремъ
 На блюдѣ устрицы во льду.

Онъ мнѣ сказалъ: „Я вѣрный другъ“—
 И моего коснулся платья.
 Какъ непохожи на объѣтыя
 Прикосновенья этихъ рукъ!

Такъ глядятъ кошекъ или птицъ...
 Такъ на набѣдницъ смотрять стройныхъ...
 Лишь смѣхъ въ глазахъ его спокойныхъ,
 Подъ легкимъ золотомъ рѣсницъ.

А скорбныхъ скрипокъ голоса
Поютъ за стелющимся дымомъ...
Благослови же небеса:
Ты первый разъ одна съ любимымъ.

4.

Не будемъ пить изъ одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино.
Не поцѣлуемся мы утромъ рано,
А ввечеру не поглядимъ въ окно.
Ты дышишь солнцемъ, я дышу луною,
Но живы мы любовію одною.

Со мной всегда мой вѣрный, нѣжный другъ,
Съ тобой твоя веселая подруга,
Но мнѣ понятенъ сѣрыхъ глазъ испугъ,
И ты виновникъ моего недуга.
Но краткихъ мы не учащаемъ встрѣчъ.
Такъ нашъ покой намъ суждено беречь.

Лишь голосъ твой поетъ въ моихъ стихахъ,
Въ твоихъ стихахъ мое дыханье вѣтъ...
О, есть костеръ, котораго не смѣтъ
Коснуться ни забвеніе, ни страхъ!
И если бъ зналъ ты, какъ сейчасъ мнѣ любы
Твои сухія, розовыя губы...

5.

Косноязычно славившій меня
 Еще топтался на краю эстрады.
 Отъ дыма сизаго и тусклаго огня
 Мы всѣ уйти, конечно, были рады.

Но въ путаныхъ словахъ вопросъ зажженъ,
 Зачѣмъ не стала я звѣздой любовной.
 И стыдной болью былъ преображенъ
 Надъ нами ликъ жестокой и безкровный.

Люби меня, припоминай и плачь!
 Всѣ плачущіе равны передъ Богомъ...
 Прощай, прощай! Меня ведетъ палачъ
 По голубымъ предутреннимъ дорогамъ.

6.

Георгію Иванову.

Бисернымъ почеркомъ пишете, Lise,
 Уже не подругѣ, не старой теткѣ.
 Голуби взлетѣли на карнизъ,
 Лучъ заигралъ на балконной рѣшеткѣ.

Ваше окошко опять найду
Подъ вѣнчкомъ, длинной стрѣлой пронзеннымъ.
Какъ хорошо въ осеннемъ саду!
Какъ хорошо быть совсѣмъ влюбленнымъ!

Желтое солнце свѣтло блеститъ,
Желтое платье въ окнѣ золотится...
Знаю—она никогда не проститъ,
Если осмѣлюсь я ей поклониться.

Α Ε Ι Π Α Ι Σ.

З. Д. Б.—послѣ разговора.

1.

Quis putas major est in regno caelorum?

А какъ же всѣ земныя дѣти,
Ихъ лепеть, бѣготня, игра
На тонкомъ, розовомъ разсвѣтѣ,
Въ сіяющіе вечера?

Труды отцовъ въ неволѣ грубой,
Тревога за своихъ дѣтей,
И предающіяся губы
Уже блаженныхъ матерей,

Рожденіе и крикъ болѣзни—
А послѣ—громкая игра
И міра молодыхъ пѣспи
Въ сіяющіе вечера?

2.

Et verbum caro factum erat.

А какъ же Тотъ, Кто всѣхъ свѣтлѣе,
Кто больше случая и золь,
Кто въ той, скалистой Иудеѣ
Въ младенческую плоть вошелъ?

И Та—надъ колыбелью милой
Съ безвинно-дышащимъ лицомъ,
Которая Его кормила
Живымъ и вѣчнымъ молокомъ?

Чьи безболѣзненные роды,
Какъ лучшую мечту людей,
Всѣ голоса, вся плоть природы
Хвалили звѣздами ночей?!

3.

Знайте же: вѣчная женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ.

Отказъ отъ міра! ангельскіе взмахи!
Полетъ туда, гдѣ стона смерти нѣтъ!
И не напрасно скорбные монахи
Твердили въ кельяхъ горестный обѣтъ.

Но вотъ сегодняшней зари дрожанье
Всѣхъ прежнихъ зорь живѣй и розовѣй,
И въ розахъ Персіи, въ благоуханьѣ
Еще свиститъ безпечный соловей.

И ночь Италіи цвѣтами пахнетъ,
И наши церкви въ золотыхъ свѣчахъ,
И юный міръ въ истомѣ засыпаетъ
У матери въ ласкающихъ рукахъ.

И брошенный въ огонь и воду міра,
Захлебываясь въ бурной глубинѣ,
О жизни прежней, медленной и милой,
Я не припомню въ волнахъ и въ огнѣ.

Но тамъ, въ неистовомъ водоворотѣ,
Звѣздою синей позоветъ Господь
Къ тому, что тоньше самой тонкой плоти,
Но сладостно, но пламенно, какъ плотъ.

И все, что мчалось, пѣнясь и играя,—
Смиряетъ голосъ своевольный свой:
Изъ хрупкой раковины дѣва Рая
Ступила на песокъ береговой.

4.

Здѣсь, гдѣ властители—купля и мѣна...

Святая плоть? кощунство грубыхъ
Или разслабленныхъ мечта?
Нѣтъ, сладкія цѣлуя губы,
Я громко говорю: не та!

Святая плоть? когда безкровный
На улицах струится страхъ,
И отвратительный любовникъ
Въ трусливыхъ затаенъ стѣнахъ?

Ты, кто позовалъ Ее въ вертепѣ!
Уйди, какъ тѣ, въ ночную ширь,
Въ сухія, снѣговья степи,
Въ пустой, безмолвный монастырь.

И, можетъ быть, Она тогда
Въ Евангеліи Іоанна
Заблещетъ радостно и странно,
Какъ ночи новая звѣзда.

5.

...Одни, безъ ангеловъ!...

Она не пришла, но Она придетъ.
Все быстрѣе рѣчное теченье.
Не въ смерти, не въ отреченьѣ
Ея молоко и медъ.

Старинные мудрецы
Учили о плоти тонкой,—
И вотъ упали вѣнцы
Передъ вѣнкомъ Ребенка.

Дитя и душа любви,
Онъ въ рукахъ Ея сжать небесныхъ.
Онъ бился въ Ея крови,
Быль тѣломъ, и вотъ—безтѣлесный.

И какъ не узнать тебя, Господь?
И какъ не почувствовать благодати?
Любите же и хвалите плоть!
Безплотнаго—изъ плоти создайте!

Грааль Арельскій.

1.

ПАМЯТЬ О СОЛНЦѢ.

...Какъ давно, давно это было...
Помню я, какъ отрывокъ сна,—
Угасало тускло Свѣтило,
А ночью исчезла луна.

И люди въ улицахъ темныхъ
Проклинали звѣздную высь,
Собирались въ храмахъ огромныхъ,
Взывали: Солнце, зажгись!

Но боги мольбамъ не вняли,
И Солнце свѣтъ не зажгло...
Создать напрасно старались
Искусственный Свѣтъ-Тепло.

Съ полюсовъ смерть спѣшила,
Одѣвала льдомъ города...
Трещали, рвались уныло
Электрическіе провода.

Сквозь кристальный холод мрака
Я не видѣлъ съ тѣхъ поръ планетъ,
Только такъ же кругъ зодіака,
Какъ и прежде, струилъ свой свѣтъ.

Умираю... Умираю безъ горя,—
Мнѣ отрадно лежатъ въ снѣгу...
...Я вижу какое то море
И зеленый лѣсъ на берегу.

И ко мнѣ ласкаются какіе то звѣри,
Которыхъ я не видѣлъ никогда...
Золотой песокъ покрываетъ берегъ,
А дальше блеститъ вода.

И я вижу Солнце синяго цвѣта,
Ярко озаряющее синеву...
Умираю, но не знаю—это
Въ бреду ли или наяву.

2.

Еще въ поляхъ свѣтло отъ снѣга,
Хотя въ лѣсу густѣетъ мракъ...
Согни колѣни и съ разбѣга
Съ горы высокой мчись въ оврагъ.

Отъ быстроты склоняясь ниже,
Туда, гдѣ сосны, какъ кресты,
Направь, смѣясь, за мною лыжи,
Оставивъ сзади двѣ черты.

Что за бѣда, что вѣтеръ свѣжій
Лицо холоднымъ жжетъ огнемъ...
Я вижу ясно слѣдъ медвѣжій
На покрывалѣ снѣговомъ.

Еще немного—мы у цѣли,
И серпъ луны освѣтитъ насъ...
О, какъ отрадно будетъ цѣлить
Въ косматый черепъ между глазъ!

1.

ПЯТЬ ЧУВСТВЪ.

Пять материковъ, пять океановъ
Дано моей Матери, и я пятью
Лучезарными зеркалами въ душу волюю
Солнечный вѣтеръ млечныхъ тумановъ.

Приниженное искусствами Осязанье,
Ты царственнѣй остальныхъ пяти:
Въ тебѣ амевъ студенистое дрожанье
И пресмыкающихся слизкіе пути.

Своими тысяченожками поры взрывая,
Ты живешь сонливимъ подобьемъ крота,
Съ тобою однимъ не страшна міровая,
Комками мечущая икру, темнота.

И, вы близнецы расщепленнаго рода,
Нераздѣлимые—кто древнѣе изъ двухъ:
Присосы, манящіе въ глубь пищевода,
Или музыкой ароматовъ дрожащій нюхъ?

Въ васъ прыжокъ электрическій на кошачьихъ
лапахъ,
Безпокойная вскинутость оленьяго вѣнца,
Прохлада источниковъ и мускусный запахъ
Дѣвственной самки, зовущей самца.

А вы, послѣдніе, нѣжные двое —
Зрѣніе и Слухъ, какъ млечный туманъ,
Безъ границъ ваше царство радужное, огневое,
Бушующій энергіями эфирный океанъ.

2.

Безумецъ! Дни твои убоги,
А ты ждешь жизни отъ любви.
Такъ лучше каторгой въ острогѣ
Пустую душу обнови.

Какая бъ ни была утрата,
Неси одинъ свою тоску
И не бѣги за горстью злата
Униженно къ ростовщику.

Отъ женскихъ любопытныхъ взоровъ
Таи смертельный страхъ и дрожь
И силься, какъ въ соломѣ боровъ,
Изъ сердца кровью выбить ножъ.

СВИНЕЙ КОЛЮТЬ.

Весь день звенить въ ухахъ пронзительный, какъ
скрежетъ
Гвоздя иль грифеля, водимыхъ по стеклу,
Высокій, жирный визгъ свинарника, гдѣ рѣжетъ
Кабанщикъ борововъ къ пасхальному столу.

Петлей поймаютъ задъ, за розовыя уши
Изъ стойла вытащатъ, стараясь пасть зажать,
И держать, навалясь, пока не станетъ глуше
Визжанье и замретъ надъ сердцемъ рукоять.

И послѣ, на кострахъ соломенныхъ щетину
Со вшами опаливъ, скребутъ нагарный слой,
Льютъ воду ведрами и сальную трясину,
По локоть пачкаясь, ворочаютъ рукой.

Помои красныя межъ челюстей разжатыхъ
Спустивши, вывалятъ изъ живота мѣшокъ,
И бабы бережно въ корытахъ и ушатахъ
Стираютъ, какъ бѣлье, пахучій комъ кишокъ.

Когда жъ затопятъ печь на кухнѣ, и во мракѣ
Апрѣльскомъ вызвѣздитъ, по вѣтру гарь костра,
Какъ суку, нюхая, со всѣхъ усадебъ собаки
Сбѣгутся сворами, чтобъ грызться до утра.

1.

ВАЗА СЪ ФРУКТАМИ.

П. С. Шандаровскому

Тяжелый виноградъ, и яблоки, и сливы,
Ихъ очертанія отчетливо - нѣжны.
Всѣ оттушованы старательно отливы,
Всѣ жилки тонкія подъ кожицей видны.

Надъ грушами лежитъ разрѣзанная дыня,
Гранаты смуглые сгрудились передъ ней,
Огромный ананасъ кичливо посрединѣ
Вѣнчаетъ вазу всю короною своей.

Ту вазу, вьющимся украшенную хмѣлемъ,
Ваяла элина живая простота:
Лишь у подножія—къ пастушескимъ свирѣлямъ
Прижаты мальчиковъ спокойныя уста.

УЛИЧНЫЙ ПОДРОСТОКЪ.

Ломающійся голосъ. Синева
 У глазъ, и надъ губою—рыжеватый
 Пушокъ. Вотъ онъ, обычный завсегда
 Всѣхъ закоулковъ. Пыльная ль трава

Столичные бульвары украшаетъ
 Иль сѣрымъ льдомъ затянута Нева, —
 Все въ той же курткѣ онъ, и голова,
 Въ знакомой шляпѣ. Холодъ не смущаетъ,

И вялая жара не истомитъ
 Его. Подъ воротами постоитъ, —
 Поклянчитъ милостыню. Со цвѣтами

Пристанетъ дерзко къ проходящей дамѣ,
 То наглый, то трусливый приметъ видъ.
 Но финскій ножъ за голенищемъ скрытъ,

И, съ каждымъ годомъ, темный взоръ—упрямѣй.

ЗАЪЗЖІЕ БАЛАГАНЩИКИ.

Болтовня зазывающаго.

Да, размалевана пестро
 Театра нашего афиша:
 Гитара, шляпа, болеро,
 Дѣвица на летучей мыши.
 Повѣсить надобно повыше,
 Не то—зѣваки оборвутъ.
 Спѣшите къ намъ,—подъ этой крышей
 Любовь, веселье и уютъ.

Вотъ, я—ломака, я—Пьеро!
 Со мною Арлекинъ—онъ пышетъ
 Страстями, кланчить серебро.
 Вотъ принцъ, чей плащъ узорно вышить,
 Вотъ Коломбина, что не дышитъ,
 Когда любовники уснутъ.
 Паяцъ... онъ вздохами колышетъ
 Любовь, веселье и уютъ!

Пляши, фиглярское перо,
 Неситесь въ пламенномъ матчишѣ,
 Всѣ тѣ, кто хочетъ жить пестро:
 Вакханки, негры, принцы, мыши!
 Порой быстрѣй, порою тише,
 Вчера въ Парижѣ, нынче тутъ,—
 Всего на этомъ свѣтѣ выше
 Любовь, веселье и уютъ!

О котъ, блуждающій по крышѣ,
Твои мечты во мнѣ поютъ.
Кричи за мной, чтобъ всякій слышалъ:
Любовь, веселье и уютъ.

1.

Паденье—неизмѣнный спутникъ страха,
И самый страхъ есть чувство пустоты.
Кто камни намъ бросаетъ съ высоты,
И камень отрицаетъ иго праха?

И деревянной поступью монаха
Мощеный дворъ когда то мѣрилъ ты:
Булыжники и грубыя мечты—
Въ нихъ жажда смерти и тоска размаха!

Такъ проклять будь готическій пріютъ,
Гдѣ потолокомъ входящій обморочень,
И въ очагѣ веселыхъ дровъ не жгутъ.

Немногіе для вѣчности живутъ,
Но если ты мгновеннымъ озабочень—
Твой жребій страшень, и твой домъ непрочень!

2.

Пусть въ душевной комнатѣ, гдѣ клочья сѣрой ваты,
И стклянки съ кислотой, часы хрипятъ и бьютъ,—
Гигантскіе шаги, съ которыхъ петли сняты,—
Въ туманной памяти видѣнья оживутъ.

И лихорадочный больной, тоской распятый,
Худыми пальцами свивая тонкій жгутъ,
Сжимаетъ свой платокъ, какъ талисманъ крылатый,
И съ отвращеніемъ глядитъ на кругъ минутъ...

То было въ сентябрѣ, вертѣлись флюгера,
И ставни хлопали—но буйная игра
Гигантовъ и дѣтей пророческой казалась,

И тѣло нѣжное—то плавно подымалось,
То грузно падало: средь пестраго двора
Живая карусель безъ музыки вращалась!

3.

Въ тавернѣ воровская шайка
Всю ночь играла въ домино.
Пришла съ личницей хозяйка,
Монахи выпили вино.

На башнѣ спорили химеры:
Которая изъ нихъ уродъ?
А утромъ проповѣдникъ сѣрый
Въ палатки призывалъ народъ.

На рынкѣ возятся собаки,
Мѣнялы щелкаетъ замокъ,
У вѣчности воруетъ всякій,
А вѣчность—какъ морской песокъ.

Онъ осыпается съ телѣги,
Не хватить на мѣшки рогожъ,
И, недовольный, о ночлегѣ
Монахъ рассказываетъ ложь.

ГИПЕРБОРЕЙ

ежемѣсячникъ стиховъ и критики,
выходящій 10 разъ въ годъ
при непосредственномъ участіи
Сергѣя Городецкаго и Н. Гумилева.

Подписная цѣна: на годъ — 1 р. 50 к. съ достав-
кой и пересылкой; за границу — 2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № — 25 к.

За перемѣну адреса — 30 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (Книж-
ный складъ М. Аверьянова, Фонтанка, 38). Тлф. 128-55.

Адресъ редакціи: Спб., Петербургская Сторона,
Малый просп., 26/28, кв. 27. Тлф. 577-63.

Редакторъ-издатель М. Лозинскій.

ИЗДАНІЯ ЦЕХА ПОЭТОВЪ.

Анна Ахматова. Вечеръ. Съ предисловіемъ М. Кузмина. Съ фронтисписомъ въ три краски Е. Лансере. СПБ. 912. Ц. 90 к. *Распродано.*

Анна Ахматова. Четки. Вторая книга стиховъ, съ приложеніемъ „Вечера“. *Печатается.*

Вл. Бестужевъ. Возвращеніе. СПБ. 912. Ц. 1 р. 20 к.

Б. Верхоустинскій. Яворчатыя Гусли. *Готовится.*

Сергій Гедройцъ. Вегъ. (1910-1913). СПБ. 913. Ц. 1 р.

Грааль Арельскій. Летейскій Брегъ (1910-1913).

СПБ. 913. Ц. 70 к.

Н. Гумилевъ. Книга Балладъ. *Готовится.*

М. Зенкевичъ. Дикая Порфира. СПБ. 912. Ц. 90 к.

Георгій Ивановъ. Горница. Вторая книга стиховъ.

Съ фронтисписомъ С. Судейкина. *Готовится.*

Николай Клюевъ. Плясая. *Готовится.*

М. Кузминъ. Яблочный Садъ. *Готовится.*

Е. Кузьмина-Караваева. Скиѣскіе Черенки. СПБ.

912. Ц. 90 к.

М. Моравская. Голубые Лютики. *Готовится.*

Владимиръ Нарбутъ. Аллилуіа. СПБ. 912. Ц. 75 к.

Уничтожено по постановленію суда.

Владимиръ Нарбутъ. Вій. *Готовится.*

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

Т-ва М. О. Вольфъ.
